

Весь день Е Цинъян не могла выбросить из головы Е Ицин. На уроках она почти всё время витала в облаках, за что, к несчастью, попала в поле зрения Хао Цзяньжэня. Тот, в отличие от мягкой красавицы учительницы Си, церемониться не стал, и Е Цинъян получила строгий выговор.

После занятий она не стала ждать Си Цин и Линь Му, бросила лишь короткое — Я пошла — и исчезла из виду.

Она неслась на велосипеде так быстро, что добралась до дома за половину обычного времени. Тетушка Чжан хлопотала на кухне, готовя ужин, а Е Ицин всё ещё не вернулась.

Е Цинъян поднялась наверх, быстро приняла душ и уселась в гостиной перед телевизором, ожидая маму. Она то и дело поглядывала на дверь. Прошло время, когда Е Ицин обычно возвращалась, но её всё не было. Даже когда тетушка Чжан накрыла на стол, хозяйка дома не появилась.

Тетушка Чжан предложила Е Цинъян поужинать, пока та ждет, но девушка лишь покачала головой и продолжила тихо сидеть в ожидании.

Часы пробили девять. Еда на столе давно остыла, а дверь так и оставалась закрытой.

— Все остыло, пойду разогрею, — сказала тетушка Чжан.

— ...

Не дождавшись ответа от погруженной в свои мысли Е Цинъян, тетушка Чжан с тяжелым вздохом унесла холодные блюда на кухню.

Е Цинъян смотрела на имя Мамочка в списке контактов. Долго колеблясь, она наконец нажала на вызов. Сердце тревожно сжалось.

После нескольких длинных гудков раздалось: Абонент временно недоступен, пожалуйста, перезвоните позже.

Почему она не берет трубку? Не слышит? Или что-то случилось? Встревоженная Е Цинъян нашла номер Шан Цяньмо и позвонила ей. Шли длинные гудки, и когда девушка уже решила, что и здесь её ждет тишина, на том конце раздался ленивый женский голос:

— Ну чего тебе, малявка?

Е Цинъян снова посмотрела на часы — без пяти одиннадцать. Она нахмурилась: разве мама не говорила, что скоро вернется? Прошло почти два часа, а её все нет! Эта тетя Мо и правда

совершенно ненадежная!

Только Е Цинъян собралась набрать номер Шан Цяньмо снова, как в замке повернулся ключ. Девушка подскочила с места и, рванув к двери, распахнула её.

Е Ицин, очевидно, была застигнута врасплох. Она как раз собиралась вставить ключ в скважину, когда прямо перед ней возникла дочь.

— Мамочка, ты вернулась! — Е Цинъян выглядела радостной и взволнованной.

Е Ицин, придя в себя, холодно взглянула на неё:

— Время видела? Почему еще не спишь?

— Уже иду спать, — хихикнула Е Цинъян.

Е Ицин больше ничего не сказала и прошла мимо.

Е Цинъян уже собиралась закрыть дверь, как вдруг уловила странный запах. Она обернулась и посмотрела на спину поднимающейся по лестнице матери: мама пила алкоголь...

Она постучала в дверь спальни — тишина. Постучала еще раз, подождала — снова ничего. Свет горел, значит, спать она еще не легла. Неужели в душе?

Решив подождать, Е Цинъян уже хотела уйти, но заметила, что дверь приоткрыта. Осторожно неся стакан воды с медом, она легонько толкнула створку.

— Мамочка?

— ...

Никто не ответил. Заглянув внутрь, она увидела, что в ванной горит свет — значит, точно в душе. Е Цинъян поставила стакан на тумбочку и села на край кровати ждать.

Спустя полчаса ей стало не по себе. Почему она так долго не выходит? По идее, уже должна была закончить. Она подошла к двери ванной и прислушалась — ни звука. Если она еще моется, разве не должно быть слышно воды? Почему так тихо?

Вдруг она вспомнила, что Е Ицин пила вечером. Не уснула ли она там? Так ведь и простудиться недолго! Нет, нельзя так оставлять!

Тук-тук. Е Цинъян начала стучать в дверь ванной:

— Мамочка, мамочка, ты закончила?

— ...

Ответа не было. После нескольких настойчивых стуков Е Цинъян запаниковала, резко распахнула дверь и вбежала внутрь.

— Мамочка!

Увидев открывшуюся картину, она застыла на месте.

Е Ицин лежала в ванне с закрытыми глазами, совершенно обнаженная, и её прекрасное тело было открыто взору.

Лицо Е Цинъян вспыхнуло, как огонь. Она уже хотела отвернуться, но взгляд словно приклеился к груди Е Ицин.

Ярко-алый тюльпан расцвел на белоснежной коже, его лепестки тянулись вверх к ключицам и спускались к пышным формам.

Огненно-красный тюльпан, распустившийся до предела...

Внезапно Е Ицин открыла свои глубокие темные глаза. В тот миг, когда их взгляды встретились, Е Цинъян показалось, что её душу пронзили насквозь, и она в панике отвела глаза.

— Я, я... я выйду сейчас.

Дверь ванной снова закрылась. Е Ицин молча села, с плеском поднялась из воды, босиком дотянулась до полотенца и обернулась в него. Не обращая внимания на капающую с волос воду, она вышла наружу.

Е Цинъян стояла у двери, повернувшись спиной к ванной, пытаясь унять бешеное сердцебиение и жар в теле, как вдруг позади что-то щелкнуло. Вздвогнув, она резко обернулась.

— Э-э... ма-мамочка.

Едва остывшее тело снова бросило в жар, а лицо залилось краской.

Е Ицин бросила на неё взгляд:

— Чего столбом стоишь? Заходи.

Е Цинъян, опустив голову, подошла и остановилась у кровати. Е Ицин села, глядя на неё снизу вверх:

— Что случилось?

Е Цинъян подняла голову, уже собираясь ответить, но заметила, что волосы матери все еще мокрые, и вода струйками стекает по шее под полотенце.

— Мамочка, твои волосы... так легко простудиться.

Не дожидаясь ответа, она бросилась в ванную, через мгновение вернулась с сухим полотенцем и, поколебавшись, хотела помочь матери вытереть голову.

— Я сама.

Е Ицин забрала полотенце и рассеянно начала вытираться. В её движениях сквозила такая ленивая грация и женственность, что Е Цинъян невольно засмотрелась.

Внезапно воцарилась тишина. Е Ицин подняла на неё глаза. Е Цинъян опомнилась и смущенно пробормотала:

— Это вода с медом. Тетушка Чжан сказала, если выпить, завтра голова болеть не будет.

Е Ицин взглянула на тумбочку — стакан был там.

— Иди спать.

Е Цинъян кивнула, но не сдвинулась с места. Её взгляд снова непроизвольно упал на тот самый алый тюльпан.

— Еще что-то? — спросила Е Ицин.

Хотелось спросить, но она не знала как. В конце концов, Е Цинъян покачала головой, пожелала спокойной ночи и вернулась в свою комнату.

Кафе XXX.

Е Цинъян сидела у окна, наблюдая за потоком машин и людей, погруженная в свои мысли. Вдруг к ней подошел молодой официант лет двадцати и с улыбкой спросил:

— Как вам вкус?

Е Цинъян повернулась, прищурившись:

— Нормально.

— Вам нужно что-нибудь еще?

— Нет.

Е Цинъян начала терять терпение. С тех пор как она вошла, он подходил уже в третий раз с этими бессмысленными вопросами.

Заметив недовольство девушки, он неловко улыбнулся, пробормотал приятного аппетита и удалился.

Когда Е Цинъян снова посмотрела в окно, у входа в кафе остановился красный Ferrari. Следом вышла невероятно сексуальная женщина. Е Цинъян невольно поморщилась: нельзя ли быть хоть немного скромнее?

Войдя в кафе, Шан Цяньмо сразу заметила Е Цинъян. На её лице расплылась дьявольская улыбка, она сняла темные очки и, покачивая бедрами, направилась к столику.

— Соскучилась по сестренке, малявка?

Она привычным жестом ущипнула Е Цинъян за щеку.

Девушка безмолвно убрала её руку:

— Что будешь пить?

Шан Цяньмо лениво откинулась на спинку дивана, бросив сумку и очки на стол:

— Что угодно.

Е Цинъян только собралась позвать официанта, как тот уже был тут как тут. Снова тот же парень, только на этот раз улыбался еще шире — правда, смотрел он не на Е Цинъян, а на Шан Цяньмо.

Е Цинъян закатила глаза, заказала первый попавшийся кофе и прогнала его. Ишь, еще не оперился, а уже заглядывается на такую ведьму, как тетя Мо!

— Судя по твоему лицу, он только что к тебе приставал? — с любопытством спросила Шан Цяньмо.

Е Цинъян снова закатила глаза:

— Ты бы видела, как он на тебя смотрел! Убить его хотелось!

— О-о, так это ревность? Говори, пришла сегодня к сестренке признаваться в любви?

— ...

После этих слов все в кафе уставились на них. Е Цинъян была в шоке.

— Мы можем вести себя нормально?

Шан Цяньмо очаровательно улыбнулась:

— Я и так нормальна. Просто люблю женщин.

Е Цинъян решила перейти к делу:

— Тетя Мо, я хочу знать, кого мама искала в тот вечер.

Шан Цяньмо замерла с чашкой кофе в руках. Глядя на серьезное лицо Е Цинъян, она несколько секунд молчала, а затем снова лениво улыбнулась:

— Это тебе надо у мамочки спрашивать, чего ко мне прибежала?

— Не смею спросить, — ответила Е Цинъян.

Шан Цяньмо хитро прищурилась:

— Так боишься свою Ледяную деву, но так о ней печешься... Скажи честно, ты что, правда в неё влюбилась?

— К-как такое возможно! — лицо Е Цинъян покраснело. — Она моя мама, конечно, я о ней забочусь! Если бы это была ты, я бы тоже заботилась!

— А чего краснеешь? И заикаешься? Явно виновата в чем-то.

Шан Цяньмо обожала дразнить Е Цинъян — та выглядела такой милой, когда нервничала.

— Э-это я злюсь на твои слова!

— Значит, ты влюбилась в меня.

— ...

Шан Цяньмо откинулась на диван:

— Хочешь, чтобы я рассказала? Ладно, но с одним условием.

— Каким? — тут же спросила Е Цинъян.

— Придумаю — скажу.

— Хорошо, — не задумываясь, согласилась та.

Ну вот, малявка снова на крючке! Шан Цяньмо ликовала, хотя внешне сохраняла невозмутимость.

— Она была лучшей подругой твоей мамы в университете...

Постоянные жгучие взгляды, направленные на неё, наконец вывели Е Ицин из себя. Она повернула голову и посмотрела на Е Цинъян, которая снова тайком следила за ней.

— Есть что сказать — говори.

Она еще могла терпеть, когда на неё просто смотрели, но что это за взгляд? Словно в нем

жалость и сострадание!

Е Цинъян испуганно отвела глаза:

— Н-ничего.

Е Ицин лишь закатила глаза и вернулась к телевизору.

— На самом деле, мам... у меня есть вопрос.

— ...

Тишина. Прошло немало времени, но Е Цинъян молчала. Е Ицин не выдержала:

— Ну?

Значит, она все-таки ждала вопроса, подумала Е Цинъян. А она-то думала, маме совсем не до неё.

— Мам, как ты думаешь... можно ли полностью доверять лучшим друзьям?

Е Ицин нахмурилась. Она внимательно посмотрела на дочь, которая прятала глаза, и не ответила сразу.

Е Цинъян сжалось сердце. Все так и есть — мама до сих пор не вышла из той тени.

Днем Шан Цяньмо рассказывала ей: Она была её лучшей подругой, кроме меня, но за её спиной закрутила роман с её парнем. Твоя мама была глубоко ранена. С тех пор она не сказала ей ни слова, а та вскоре исчезла из университета.

Первой реакцией Е Цинъян было: Какая пошлость!

— Разве это не сюжет из сериала?

Шан Цяньмо посмотрела на неё как на наивную:

— Искусство берет начало из жизни, понимаешь?

— А что потом?

— С тех пор твоя мама перестала верить людям. Считает, что все мужчины ветрены, а подруги ненадежны.

Е Цинъян не поверила:

— Тогда почему она так дружит с тобой?

— Именно потому, что это случилось, я уехала учиться за границу на восемь лет, чтобы дать ей остыть. И чтобы она поняла: я никогда не сделаю ничего плохого ей ради мужчины.

— ...

Теперь Е Цинъян поняла, почему мама восемь лет ни с кем не встречалась — она была слишком сильно ранена.

Е Ицин, заметив, что дочь снова смотрит на неё тем же взглядом, разозлилась:

— Ты... кхе-кхе.

— Мам, что с тобой? Простудилась? — забеспокоилась Е Цинъян.

С самого утра горло першило, но Е Ицин не придавала этому значения. Теперь же она чувствовала, что действительно заболела.

— Точно, это вчера вечером в ванне продуло. Посмотри, есть ли температура.

Е Цинъян встала на колени на диване и потянулась к её лбу. Е Ицин рефлекторно отпрянула:

— Что ты делаешь? У меня нет температуры!

— У тебя лицо покраснело, точно есть! Я принесу градусник.

Вскоре Е Цинъян вернулась с аптечкой. Е Ицин смотрела на неё с опаской:

— Повторяю: температуры нет.

— Просто измерим, чтобы быть спокойными.

— ...

— А если она есть? Тебе же завтра на работу.

— ...

Видимо, устав от болтовни дочери, Е Ицин сдалась.

Е Цинъян посмотрела на градусник:

— Тридцать восемь и семь! Температура! Нет-нет, мам, нужно срочно принять лекарство!

Е Ицин посмотрела на две таблетки в руке дочери и отрезала:

— Не буду.

— Как же ты собьешь жар без лекарств? Выпей, пожалуйста.

Е Ицин уставилась в телевизор:

— Нет! Это сплошная химия, так и здорового человека до болезни довести можно!

— ...

У Е Цинъян дернулся глаз. А когда она сама болела, мама заставляла её пить всё подряд — тогда она не боялась, что та заболеет?

— Мам, если так рассуждать, зачем тогда врачи? Пусть все идут нянчить детей.

Е Ицин скосила на неё взгляд:

— Это потому, что существуют такие бестолочи, как ты.

— ...

Отговорки! Все это лишь предлоги, потому что она боится и ненавидит пить лекарства. Да, наша блистательная бизнес-леди, королева Е Ицин с детства боялась таблеток!

— Мам, просто положи в рот и запей водой, я обещаю — не будет горько.

— Нет.

Ребенок уговаривает маму, а та ни в какую! Е Цинъян была готова заплакать. Когда болела она, Е Ицин бросала лишь два слова: Пей лекарство, и она послушно пила.

— Если не сбить жар, завтра начнется кашель и насморк. Ты же не хочешь, чтобы сотрудники видели тебя с красным носом? Это испортит твой имидж.

— ...

Е Ицин нахмурилась. Е Цинъян обрадовалась, что доводы подействовали, но стоило Е Ицин посмотреть на таблетки еще секунд десять, как она произнесла:

— Нет.

Шан Цяньмо лениво развалилась на диване, наблюдая за Е Ицин, которая сосредоточенно изучала документы.

— Слушай, Ледяная дева, ты позвала меня, чтобы показать, какая ты трудолюбивая, а я — лентяйка?

— Похоже, самокритика тебе не чужда, — Е Ицин даже не подняла головы.

Шан Цяньмо закатила глаза:

— Только ради того, чтобы уколоть меня? У тебя извращенное чувство юмора! У меня нет времени тратить его здесь, — сказала она и собралась уходить.

— Снова идешь портить жизнь другим? — наконец взглянула на неё Е Ицин.

Шан Цяньмо обернулась:

— А что, у тебя есть предложения? Может, уделишь мне честь и позволишь испортить жизнь тебе?

— ... — Е Ицин промолчала. — Подожди, дочитаю это.

Шан Цяньмо вернулась на диван:

— Ты что, собираешься вместе со мной идти портить жизнь другим?

Е Ицин проигнорировала её. Шан Цяньмо продолжила:

— Ты же обычно после работы сразу домой, к своей малявке. Что сегодня не так?

— Кхе-кхе, простудилась немного.

— Боишься заразить её?

Е Ицин промолчала. Шан Цяньмо взвилась:

— А меня заразить не боишься? Ну ты и бессердечная!

Е Ицин ответила равнодушно:

— Ничего страшного.

— Если простудилась, пей лекарства, зачем так мучиться? А, точно, ты же боишься таблеток. Поразительно, такая взрослая женщина, а боится лекарств! Если малявка узнает, засмеет тебя до смерти!

Е Ицин нервно дернула уголок рта. Та малявка наверняка уже знает.

В тот день Е Цинъян как ни старалась, Е Ицин таблетки пить отказалась, доведя дочь до белого каления.

Е Ицин уже решила, что та сдалась, и вздохнула с облегчением, как вдруг увидела, что Е Цинъян убежала на кухню, а вернулась с миской и ложкой.

Сев на диван, она положила две таблетки в миску и начала их яростно толочь.

— Что ты делаешь?

— Растираю в порошок. Сейчас добавлю горячей воды и пару ложек сахара, так не будет горько.

— ...

Е Ицин потеряла дар речи. Разве так не делают только трехлетним детям?!

Королева пришла в ярость и пронзила Е Цинъян острым взглядом. Та обиженно пробормотала:

— Мам, чего ты так смотришь? Ты сама не хочешь пить по-нормальному, вот и приходится так...

— Я сказала — не буду.

— Не хочешь — не надо, тогда поехали в больницу. Пусть врач сделает укол. Хотя, кажется, это укол в ягодицу... Ты ведь взрослая, вряд ли это будет уместно...

— ...

<http://bllate.org/book/20772/2084239>